

**Петрович Александр**

доктор философских наук,  
доцент кафедры философии  
Университета Приштины  
в Косовской Митровице  
(Республика Сербия)  
dom-hors@mail.ru

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ  
ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ  
И МЕСТО В НЕЙ  
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

**Аннотация:**

*В статье поднимаются проблемы взаимоотношений европейской культуры и славянской философии. Автор подходит к ним с точки зрения методологии, опираясь на взгляды Э. Гуссерля, И. Ильина. Рассмотрены вопросы связей между государством и обществом, личностью и свободой.*

**Ключевые слова:**

*европейская культура, славянская философия, западное мышление, Сербская православная церковь, философия постмодернизма, философия неопозитивизма, философия прагматизма.*

**Petrovich Alexander**

D.Phil.,  
Assistant Professor of  
the Philosophy Department,  
Pristina University in Kosovska Mitrovica  
(Republic of Serbia)  
dom-hors@mail.ru

**PHILOSOPHIC PROBLEMS OF  
EUROPEAN CULTURE  
AND THE PLACE OF  
SLAVIC PHILOSOPHY IN IT**

**The summary:**

*From the perspective of the methodology and guided by the views of E. Husserl and I. Ilyin the author discusses the problems of correlation between European culture and Slavic philosophy. The paper considers connections between state and society, a person and liberty.*

**Keywords:**

*European culture, Slavic philosophy, occidental mentality, Serbian orthodox church, postmodern philosophy, neo-positivism philosophy, pragmatism philosophy.*

Европейская культура носит полярный характер: существует не только римское государство и его правовые ценности, но и Византия с ее святынями; не только Святое римское царство германского народа как большая империя, но и русское государство как единственное отечество для всех славянских народов; не только австрийское государство – многонациональная страна, но и ставшая неоднородной Сербия и Болгария – православная, но европейская. Различные виды философии были развиты в славянских странах, но они все-таки неевропейские и не чужие человечеству. Можно было бы сказать, что они общехристианские, всеединые и всечеловеческие.

Может быть, фобичность по отношению к «историческому европейскому балласту» является более важным переживанием в душе Европы, чем бесконечная задача понимания духовного исторического лица и его назначения. Но уже давно указано на то, что таковое отражение есть попадание в варварство. Надо сказать, что это стало понятным тогда, когда философ Эдмунд Гуссерль определил, что под названием Европа мыслится единство духовной жизни, деятельности и творчества. Он это понял как очевидное гражданство культурного овладения врожденной энтелехией, усталость Европы зарождена в объективациях и натурализациях, что усиливает элементы турбулентности в противоречивых процессах общественного развития. Но позитивных перемен в Европе, охваченной натуралистической и объективной тенденцией и рационализациями психологизированной реальности, нет и донныне. Ее состояние остается таким же, каким оно было в начале XX в., и можно сказать, что кризис Европы, как и кризис европейского духа, еще не преодолен [1]. Он только лишь замаскирован и принял облик скрытых течений, под которыми угрозой оказалась идея ответственности, принимающая на себя и весь метафизический мир в смысловых выводах человечества. Натуралистическая и анархическая методоло-

гия использовала понятие «усталость», которое обеспечило способ правильного понимания вещей, а самое общее имя этой наивности – объективизм, который проявляется в различных формах натурализма, в натурализации духа. Но философское содержание Гуссерль достиг в умозрении, что дух, и даже только дух, существующий в себе самом и для себя самого, независим. Только в этой независимости дух может изучаться рационально, достигши истинно и изначально научного становления.

Очевидно как в теоретических проблемах, так и в истории, насколько культура и искусство православной Европы значимы для Европы католической и протестантской [2]. Но мы имеем законное право рассчитывать, что и те, кто принадлежит к европейскому духу, знают и ценят творения нашей культуры, что они могут позитивно ответить на наше приглашение к диалогу культур. Уровень шедевров Грачаницы и фресок Рублева никак не ниже уровня Сиены и Равенны (монастырь Студеница заложен в 1190 г. Стефаном Неманей, основателем сербского средневекового государства, который является самым крупным монастырем Сербской православной церкви на территории Сербии и хранит бесценные коллекции византийской живописи XIII–XIV вв., в том числе и рукописную традицию). Монастырь Хиландар, один из старейших монастырей на Святой Горе, основан в X в. С XII в. экономически или духовно принадлежит к Сербской православной церкви и хранит традицию теоретической молитвы как основы исихазма. Эта сокровищница сербской духовной культуры работает до сих пор, и ложным является понимание, которое видит лишь принятие скрытого облика, всегда обвиняя монахов, что их работы не существует. Совсем другой вопрос, существуют ли они по-настоящему, адекватно своему истинному назначению, если не оказывают никакого влияния на философскую мысль? Дело не в том, что их не знают, с должным исключением испанских и итальянских мыслителей, но что их не хотят знать или связывать их имена с современной сербской, болгарской, русской или греческой философией. Если на Западе не знают работ патриарха Фотия и его университетской программы в палатах Магнавра, Св. Кирилла и Мефодия, Флоренского, Лосева или Соловьева, Шпета или Сидорова, то это не значит, что они знают Доситея, Ньегоша, Л. Костица, Петрониевича, Марковича, Зуровца, Узелца или Адмантиоса Кораисса, Евгения Вулгарисса и т. п.

Стерильный прагматизм западного мышления и дешевые попытки бегства в идеологическую нейтральность, который обнаруживается, например, в аналитической философии, может быть превзойден только глубинной рефлексией о всемирной отзывчивости человеческой души из взаимосвязи бытия философии и бытия собственной культуры. В России мир и человека философии всегда видели как единое, как части божественного творения, и в свое время отстаивался тезис о «потребности метафизического познания» как фундаментальной составляющей человеческой природы. Избежать падения в релятивизм – это великая задача. Релятивизм всегда был для философии большим искушением, как, впрочем, и предметом великих споров и для Сократа и Платона, и для Канта и Гегеля. Выход всегда мог быть найден только в «абсолютизме» духа, но никогда в абсолютизме материального подхода или абсолютизме власти (сегодня тождественных понятий и явлений). Но этого не избегают ни философия прагматизма, ни англосаксонский неопозитивизм. В еще меньшей степени для этого подходит философия, которая дает возможность любому пожелавшему создавать свою собственную философскую систему, чему примером служит философия постмодернизма, что есть чистая профанация философии как таковой. Как результат возникает особая проблема: утрата целостности и единства в понимании истины, а значит, и утрата истины как таковой, потому что истина общезначима и любое другое понимание ее разрушает.

Эту общезначимость дает метод, так что методология и есть сам предмет в его саморазвертывании, самоопределении, в «самоописании», и поэтому подобная приверженность предмету в методологии вовсе не является прерогативой якобы донаучной феноменологии, а Иван Ильин это видит и в философии Гегеля: «Спекулятивная философия доказывает нечто иное, что не всякого «рационалиста» может удовлетворить: *сущее субстанциально благостно потому, что жизнь его есть осуществление спекулятивной конкретности, этого совершеннейшего, божественного симбиоза во множестве.* Гегель осуществляет теодицею через обнаружение того, что сущему имманентна божественная сила, движущая его к высшей форме жизни: органической тотальности или спекулятивной всеобщности. Спекулятивная конкретность есть высшее состояние всего, что реально, это состояние есть реальный, во всем осуществляющийся способ жизни, этот способ осуществляет основной, глубочайший характер Божества» [3].

Общество в отечественной русской философии понимается как сфера приложения воли Божьей в греховном несовершенном мире, а не как самодостаточное воплощение человеческих желаний. Характерно для этой сферы в России и славянском мире в большей или меньшей степени оказалось одержимое ощущение правды и то, что державные, региональные и групповые, а тем более социальные интересы первичны по отношению к индивидуальным. Государство в данной ценностной системе есть универсальная организация, способная обеспечить эффективное развитие общества и поддерживающая благотворную традицию. Реформы допустимы только в русле цивилизационных ценностей страны. Но в «сумерки» переходной эпохи покровы снимаются, и человек оказывается перед «бездной» перестройки русского общества и славянского мира, в условиях которой формируется сознание Западной Европы о православной Европе вообще. Но это то, что находится на картине, которая не отражает понятийные взгляды большинства исследователей и что совсем неизвестно в Европе, находится в святоотеческом итоге, замкнутом в идеал универсальной логики как христоцентрической. По взглядам русского христианского мыслителя Ивана Александровича Ильина, пустыня начинается с отвержения логики от ипостасей Божиих, как неудержимо дикая профанация философии, которая продуцировала глобализацию нового номинального феодализма в большевистском и нацистском образе правления, которое отнимает человеческую правовую свободу у гражданина. Этот сюрреализм демонской пустоты (нового Левитана) на картине русского общества и славянского мира ничего больше не должен показать, кроме недостаточной цивилизованности, упадка, руин. Не внешней, а внутренней силой негативной связи это указывается как некий «Бехемотт» с континентальным посольством (Карл Шмитт) [4]. «Обеспеченность» этой связи не входит в расчет объективированного существования, но само это существование живо, «держится» только своей причастностью к этой связанности мира с истиной, которой можно достичь только на путях духовного обновления [5]. Политическая теология следует этим диким путем использования массовых акций, а даже в ужасах войны все приобретает черты фарса, потому что в них невозможно видеть, что случится [6]. Примечательно, что в рассуждении о лицедействе общественного существования в наши дни русский мыслитель Иван Ильин, указав на их бесчеловечность в духе «Великого Инквизитора» [7], высказал мысль, что многоуровневая внутримировая вещь – гипостазовая личность, бытие которой никогда не будет достигнуто посредством определения реальности ее уровней.

Современная русская философия и славянская вообще, отнюдь не замкнута лишь на игру своих собственных этноязыковых особенностей, а обращена к этому всеобщему. Она поднимает бесконечные вопросы установления всеобщей истины, когда нацеливается на осмысление универсальных философских проблем, таких как: сущность человека,

его отношение к бытию; структура и характер бытия и место в нем человека; закономерности познания; смысл, содержание и направленность истории; жизнесмысловые и ценностные проблемы. Войдя в круг всеобщей истории философии, они ставились и решались в России и в славянском мире на протяжении столетий. Основные проблемы мировой философии вообще являются ее проблемами, она открыта к наследованию мировых философских традиций. Курс «равноудаленности» от фундаменталистского и глобалистского лагерей нынешнего мира будет успешным, если в нашем обществе окрепнет коалиция национально ответственных сил, желающая и способная сохранять обновленную цивилизацию [8].

#### Ссылки и примечания:

1. Husserl E. Die Krisis des europäischen Menschentums und die Philosophie // Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie, Hrsg. W. Biemel, Husserliana. Bd. VI. M. Nijhoff. Den Haag, 1962. S. 314–348. В переводе на русский язык – «Кризис европейского человечества и философия». В Вене 7 и 10 мая 1935 г. он скажет: «Духовный образ Европы» – что это такое? Имманентная истории Европы (духовной Европы) – философская идея, или, что то же самое, имманентная ей телеология, которая с универсальной точки зрения человечества вообще осознается как прорыв и начало развития новой человеческой эпохи, эпохи человечества, которое теперь хочет просто жить и может жить, свободно строя свое существование, свою историческую жизнь согласно идеям разума, бесконечным задачам... Ratio, о котором мы рассуждаем, есть не что иное, как действительно универсальное и действительно радикальное самопознание духа в форме универсально ответственной науки, развивающейся в новом модусе научности, где находят себе место все мыслимые вопросы – о бытии, о нормах, о так называемой экзистенции» // Вопросы философии. 1986. № 3.  
Европейский мир рожден из идеи разума, т. е. из духа философии. Неудача современной рациональной культуры по этому мыслителю забывается вследствие способа, которым манифестировался, точнее сказать, реализовался *ratio* после его внедрения в натурализм и объективизм, и в этом Гуссерль предостерегал Европу от *страшной опасности*, которую видел в ее *усталости*: «Величайшая опасность для Европы – это усталость. Но если мы будем бороться против этой опасности опасностей как «добрые европейцы», с той отвагой, которая не ушатится даже бесконечной борьбы, тогда из уничтожающего пожара неверия, из тлеющего огня сомнения в общечеловеческом завете Запада, из пепла великой усталости восстанет феникс новой жизненности и одухотворенности, возмещающих великое и далекое будущее человечества, ибо лишь дух бессмертен» // Там же.
2. Линия раздела очевидна, а эта культурная граница в истории философии делается как еще более непроходимый сектор, чем мы по-

#### References (transliterated) and notes:

1. Husserl E. Die Krisis des europäischen Menschentums und die Philosophie // Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie, Hrsg. W. Biemel, Husserliana. Bd. VI. M. Nijhoff. Den Haag, 1962. S. 314–348. Husserl E. Philosophy and the Crisis of European Man. In Vienna on the 7th and 10th of May 1935 Edmund Husserl said: "The spiritual image of Europe' - what is it? It is exhibiting the philosophical idea immanent in the history of Europe (of spiritual Europe). To put it another way, it is its immanent teleology, which, if we consider mankind in general, manifests itself as a new human epoch emerging and beginning to grow, the epoch of a humanity that from now on will and can live only in the free fashioning of its being and its historical life out of rational ideas and infinite tasks... The ratio now in question is none other than spirit understanding itself in a really universal, really radical manner, in the form of a science whose scope is universal, wherein an entirely new scientific thinking is established in which every conceivable question, whether of being, of norm, or of so-called 'existence', finds its place."//Husserl E. The Vienna lecture, 10 May, 1935.  
The European "world" was born from ideas of reason, i.e., from the spirit of philosophy. The downfall of a rational culture, according to the philosopher, is being unconscious in consequence of the way 'ratio' was manifested and implemented after its absorption in 'naturalism' and 'objectivism', and thus Husserl warned the Europe of the 'greatest danger', which he considered to be 'weariness': "Europe's greatest danger is weariness. Let us as 'good Europeans' do battle with this danger of dangers with the sort of courage that does not shirk even the endless battle. If we do, then from the annihilating conflagration of disbelief, from the fiery torrent of despair regarding the West's mission to humanity, from the ashes of the great weariness, the phoenix of a new inner life of the spirit will arise as the underpinning of a great and distant human future, for the spirit alone is immortal."// Ibid.
2. The frontier line is obvious, and this cultural border in the history of philosophy is being made even more impassable, than we thought

- дозревали в отношении России, понимаемой в европейском, рационально-философском контексте, как и славянского мира вообще. Можно сказать, что весь православный свет на мировой культурной карте показывается и сегодня как вещи несовместимые с «восточной природой», которые «запрещают нам жить без иллюзий». Умалется этим его величие как что-то угрожающее или безнадежный сюрприз, в котором обмануть нас несложно: мы сами рады обманываться доверием к качествам таких расчетов (см.: Бойко П.Е. Судьба Косово и Метохии в контексте философии истории христианского мира // Косово и Метохия в цивилизационных течениях (о Косове между трансценденцией и экзистенцией) : международ. сб. Косовская Митровица ; Белград, 2009.
3. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. 490 с.
  4. «Nach mittelalterlichen Deutungen jüdischer Geheimlehren, nach den sogenannten Kabbalisten, ist die Weltgeschichte ein Kampf zwischen dem mächtigen Walfish, dem Leviathan, und dem ebenso starken Landtier, dem Behemoth, den man sich als einen Stier oder Elefanten vorstellte. Die beiden Namen, Leviathan und Behemoth, stammen aus dem Buche Hiob (kap. 40 und 41). Die Kabbalisten sagen nun, der Behemoth bemühe sich, den Leviathan mit den Hörnern oder Zähnen zu zerreißen, der Leviathan dagegen halte mit seinen Fischflossen dem Landtier Maul und Nase zu, daß es nicht essen und nicht atmen kann...». Schmitt C. Land und Meer: Eine weltgeschichte Betrachtung. Leipzig, 1942. S. 9.
  5. Ильин И.А. Путь духовного обновления. М., 2006.
  6. Многие думали, что с приходом к власти Гитлера, мы вступили в этот виток истории, где призваны действовать уже не люди, а через людей демоны (Карл Шмит сказал, что был в их власти до 1936 года – `dem Teufel abgeschworen`// Карл Шмит у Нирнбергу 1947. године – Три саслушања / прев. П. Бојанић // Нова српска политичка мисао // Нова едисија. Vol. XII. 2005. № 1–4. С. 16).
  7. Это для Ильина имитация жизни, скрывающая ее отсутствие, и он поставил задачу разоблачить имитацию, преодолев легкий обман, оборачиваясь вполне серьезными, действительными и совершенно не игровыми проявлениями. Анализируя гегелевскую глубокую рефлексию, он увидел: «Строй мира, последовательно располагающийся от низшей ступени (пустого пространства) до высшей (нравственность народа), развертывается как бы уже в Логике, провиденциально творимый чистым Божественным понятием. Логика как бы уже содержит строй мира, но не актуально, а потенциально, чистое понятие живет в ней как бы мистическим предчувствием своих грядущих путей и судеб... Идея определяет себя сначала как живую индивидуальность, которая сливается затем в тождество со все-
- in regard to Russia, that is comprehended in European, rational context, just as the whole Slavic world is. It's as if all the orthodox world is being demonstrated on the global cultural map as incompatible with "oriental nature", since "forbidding living without illusions". Does it derogate its greatness as something threatening or hopeless wondering, which can easily deceive us since we are happy to be deluded by trusting such quality grade estimations. (see: Boyko P.E. Sud'ba Kosovo i Metokhii v kontekste filosofii istorii khristianskogo mira // Kosovo i Metokhiya v tsivilizatsionnykh techeniyakh (o Kosove mezhdru transtsendentsiey i ekzistentsiey) : mezhdunarod. sb. Kosovskaya Mitrovitsa ; Belgrad, 2009.
3. Il'in I.A. Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka. SPb., 1994. 490 p.
  4. «Nach mittelalterlichen Deutungen jüdischer Geheimlehren, nach den sogenannten Kabbalisten, ist die Weltgeschichte ein Kampf zwischen dem mächtigen Walfish, dem Leviathan, und dem ebenso starken Landtier, dem Behemoth, den man sich als einen Stier oder Elefanten vorstellte. Die beiden Namen, Leviathan und Behemoth, stammen aus dem Buche Hiob (kap. 40 und 41). Die Kabbalisten sagen nun, der Behemoth bemühe sich, den Leviathan mit den Hörnern oder Zähnen zu zerreißen, der Leviathan dagegen halte mit seinen Fischflossen dem Landtier Maul und Nase zu, daß es nicht essen und nicht atmen kann...». Schmitt C. Land und Meer: Eine weltgeschichte Betrachtung. Leipzig, 1942. S. 9.
  5. Il'in I.A. Put' dukhovnogo obnovleniya. M., 2006.
  6. Many people thought that with Hitler in charge, there began a new round of history when no longer people acted but demons through the people. (Karl Schmitt said he had been obsessed with them until 1936– `dem Teufel abgeschworen`// Karl Shmit u Nirnbergu 1947. godine – Tri saslushaņa / prev. P. Bojanić // Nova srpska politichka misao // Nova yeditsija. Vol. XII. 2005. № 1–4. P. 16).
  7. According to Ilyin this is an imitation of life concealing its absence, and the philosopher sets a mission of exposing the imitation, overcoming deception, which would result in rather serious, real and absolutely non-fiction evidences. Analyzing Hegel's deep reflection, he elicits: "The system of the world consecutively evolves from the lowest stage (empty space) to the highest (morality of people), takes place kind of straight in Logic, and is providentially created by pure divine idea. As if the Logic contains the system of the world not actually, but potentially, and the pure idea lives in it by mystic premonition of its future ways and fates... The idea defines itself first as a living individuality, that subsequently merges with generality of the class (Log. 3, 262) and dis-

общностью рода (Лог. 3, 262) и растворяется в нем; из этого растворения возникает Дух как тождество единичного (например, человека, смыслового фрагмента) со всеобщим (например с народом, идейной системой), как знакомая истина, которая в осуществлении своем есть «добро». Так слагается «объективный мир, для которого понятие есть внутренняя основа и действительное пребывание» (Лог. 3, 327: Енц. 1. 385) // Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 189–191.

8. Бойко П.Е. Судьба Косово и Метохии в контексте философии истории христианского мира ; Бойко Л.А. О «сопротивлении злу силою»: идея сербского народа в свете философии христианской культуры И.А. Ильина ; Тащиан А. О логике исторической жертвы ; Рачева Ц. Ассиметрия и интеграция исторического бытия ; Силантьева М.В. Трансцендентальные мосты между временем и вечностью ; Глаголев В.С. Жертвенность и терпение как онтологические реалии экзистенции и др. // Косово и Метохия в цивилизационных течениях (о Косове между трансценденцией и экзистенцией). Косовская Митровица ; Белград, 2009.

solves in it; out of this dissolution the Spirit appears as identity of an individual (e.g. person, semantic fragment) and universal (e.g. people, idea system) as a familiar Truth, which in its implementation is the "Good". This is the way of composing the objective world, for which the idea is an inner basis and actual being" (Log. 3, 327: Enc. 1.385) // Il'in I.A. *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka*. SPb., 1994. P. 189–191.

8. Boyko P.E. *Sud'ba Kosovo i Metokhii v kontekste filosofii istorii khristianskogo mira* ; Boyko L.A. O «soprotivlenii zlu siloyu»: ideya serbskogo naroda v svete filosofii khristianskoy kul'tury I.A. Il'ina ; Tashchian A. O logike istoricheskoy zhertvy ; Racheva T. Assimetriya i integratsiya istoricheskogo bytiya ; Silant'eva M.V. *Transtsendental'nye mosty mezhdv vremenem i vechnost'yu* ; Glagolev V.S. Zhertvennost' i terpenie kak ontologicheskie realii ekzistentsii, et al. // *Kosovo i Metokhiya v tsivilizatsionnykh techeniyakh (o Kosove mezhdv transtsendentsiy i ekzistentsiy)*. Kosovskaya Mitrovitsa ; Belgrad, 2009.